

## ИСТОРИЧЕСКОЕ ЛИЦО ЭПИЧЕСКОЙ САТАНЫ / ШАТАНЫ

Э.Т. Гутиева

На основе сопоставительного анализа кадага «Безымянный сын Урузмага» осетинских нартовских сказаний и хроник Иосифа Флавия «Иудейские древности» делается вывод о том, что одним из исторических прототипов популярной нартовской героини Сатаны может являться Елена/Эллен, царица Адиабены, вассального государственного образования в составе Парфии. Совпадение ряда сюжетных мотивов не являются результатом миграции сюжета или его заимствования. Нартовский кадаг о Сатане является сохранением и развитием в алано-осетинской эпической традиции на протяжении 20 веков истории о своей соотечественнице царице Адиабенской, выдающейся правительнице I в. н.э. Тогда как в написанном на греческом языке труде Иосифа Флавия история жизни и благодеяний царственной семьи, члены которой приняли иудаизм, и которых автор мог знать лично, зафиксирована непосредственно в то время, когда имели место данные события. Соответственно, акцент автором делается на прозелитизм правителей Адиабены.

Помимо совпадения сюжетных мотивов основанием для данной гипотезы являются сопоставление имен собственных и данные археологических исследований. Такой подход может являться не только ключом к разгадке истории самого персонажа, но и помогает уточнить имеющиеся исторические данные о локализации аланов в I в. н.э. Подобный подход позволяет привлечь внимание и включить в обсуждение религиозных противостояний среди ираноязычных аланов зороастризма, язычества, раннего христианства и иудейский монотеизм.

**Ключевые слова:** исторический прототип, нарты, кадаг, голод, инцест, прозелитизм, зороастризм, иудаизм.

*A comparative textual analysis of the Narts' sagas, Ossetian tales and of the chronicles of Flavius Josephus from «Jewish Antiquities» enables to conclude, that a popular heroine of the Ossetic epic Satan had more than one prototype, one of her prototypes may be Helen/Ellen, the Queen of Adiabene, a vassal state of the Parthian empire. The coincidence of the number of motives suggests neither migration of the story nor its borrowing. Satan of the Narts is the 20-century-long preservation and development within Alano-Ossetian epic tradition stories about their compatriot Queen of Adiabene, the great ruler of the 1<sup>st</sup> century. While written in the Greek language the work of Josephus the history of the life and blessings of the royal family, whose members had converted to Judaism, and whom the author could know personally, are recorded directly in the time when these events took place. Accordingly, the emphasis in this work is different, highlighting the fact of proselytism. This presumption is based on the comparison of the proper names and data of archaeological research as well as on coinciding plot motives. This approach may not only be the key to unlocking the history of the character, but also helps to clarify the available historical data on location and migration of Alans in the 1<sup>st</sup> century AD, this approach allows to attract attention and to include in the discussion of the religious confrontations not only Zoroastrianism, paganism, early Christianity, but also Jewish monotheism.*

**Keywords:** historical prototype, Narts, kadag, hunger, incest, proselytism, Zoroastrianism, Judaism.

**Есть культ, но была и личность**

Она накормила народ в голод, была женой правителя, была сестрой своего мужа, спрятала сына от опасности, спрятала его во дворце морского божества, она принимала трудные решения в трудные времена, имя ее Сатана/Шатана, культовая героиня осетинского нартовского эпоса. Она славится и почитается, а недостатки и проступки, что пятна на солнце, не мешают ее канонизации.

Превосходящая всех красотой, мудрая и вещая, щедрая и хлебосольная, незамеченная и бессмертная, «не 'фсин — Сатана»,

«Госпожа Сатана» — «безусловно, первая леди в стране нартов» [1, 22]. Традиционно, этот важнейший женский образ осетинской Нартиады разбирается с позиций мифологической и неомифологической школы. Так, по мнению В.И. Абаева, сказание об Урузмаге и Сатане, «этногоническая и теогоническая легенда», — «это сильно затемненный, обросший позднейшими наслоениями миф о первой человеческой или божественной паре» [2, 55].

Пара, «пра-чета», в которой образ Сатаны ставит столько загадок, что Ж. Дюмезиль задается вопросом: «Возможно ли

зайти глубже в предысторию этого женского образа? Быть может, но тогда придется коснуться мифологии» [3, 55].

Данное вопросно-ответное единство Дюмезиля — это антитезис к его собственному линейно предшествующему тезису о том, что «в первые века нашей эры... аланы-язычники складывали эпические сказания о своей Сатане. О Сатане-героине, а не о богине» [3, 55]. Замечательные сказители, способные к эпической героизации, складывали сказания о замечательной женщине, следовательно, «глубже предыстории» только сама история?

Основное предостережение приверженцам исторического подхода к эпосу приведем в следующей редакции: «прямолинейное толкование связи эпических памятников с историей и тем более попытки прикреплять их к отдельным событиям, к конкретным историческим лицам чреваты искажением природы эпоса как явления искусства» [4]. Тем не менее, в данной работе предлагается исторический подход к образу Сатаны/Шатаны, предполагающей историческую достоверность, хроникальность эпоса.

Анализу подвергается один кадаг — «Уырызмаджы аганом лæппу» — «Безымянный сын Урузмага». Не претендуя на исследование образа героини во всей его художественной целостности и эпической масштабности, «прямолинейно толковать», и «попытки прикреплять» мы будем предпринимать применительно к данному фрагменту цикла о Сатане. Текстологический анализ нартовского кадага, точнее, первой его части, проводится в сопоставлении с главами 2-4 XX тома «Иудейских Древностей» историка Иосифа Флавия, что позволяет считать, что исторические лица, описанные Флавием, являются прообразами некоторых нартовских героев.

Наличие прототипа для героя не обязательное условие мифопоэтики. Но шумерско-аккадский герой Гильгамеш в реальности мог быть хорошим правителем Урука и хорошим другом, что помогло стать ему символом дружбы. Если Геракл, самый по-

пулярный герой мифов Древней Греции, добросовестно «работал» царем крепкого города Тиринфа, то отгадка притягательности его образа в его послужном списке, и Авгиевы конюшни он расчищал по долгу службы в своем родном городе, а не в Элиде.

По всей вероятности, в наиболее привлекательных героев мифологизируются самые заслуженные, и есть прямая зависимость между харизматичностью исторических героев и популярностью их мифологических образов. Историческая память, народная любовь могут переноситься и на мифологическую биографию героя и интенсифицировать, гиперболизировать позитивность его образа. Проекция на реальную биографию усиливает сказительскую «симпатию» и формирует ожидания слушателей, способствует сакрализации исторической личности.

Мы исходим из презумпции о синкретичности, конфляционности образа Сатаны, из того, что Сатана-богиня осетинской Нартиады могла иметь **более одного** исторического прототипа.

Конфляция (термин М. Арчер) нескольких прообразов неизбежно «оставляет швы». Даже гению Л. Н. Толстого, несмотря на сознательное усилие, не удалось создать целостного образа Наташи Ростовской, прототипами которой считаются свояченица писателя Татьяна Андреевна Берс и его жена, Софья Андреевна Берс [5, 411]. Однако в этом одновременно секрет многомерности и уникальности самой известной героини русской литературы, возможно, и многоликость нартовской Сатаны, так же в синтетичности ее мифологического образа. Поэтизация реально существовавшего человека или сведение нескольких образов в один могли быть не менее творческим актом, чем конструирование вымышленного персонажа, который может не иметь исторической основы.

И если «эпос показывает, кого народ считает героем и за какие заслуги» [6, 5], то нартовский эпос показывает, что свой главный подвиг Сатана совершила во время жестокого голода.

### 1. Про голод большой по всей вселенной

От наводнения, засухи, мороза, жары, от нашествия саранчи, мышей, войны, из-за божьей кары с печальной регулярностью и неизбежной цикличностью в правление самых известных деятелей и в самые темные времена случался «сильный», «великий», «суровый», «губительный», «тяжкий» голод.

Голод пришел и в страну Нартов: «*Нартыл фыд аз, фыд дуг скодта*». В нартвовском кадаге, лишенном и географических маркеров, и хронологических примет, ничего не сказано об обстоятельствах, приведших нартов к бедственному положению. По косвенным данным можно лишь исключить голод от холода, т.к. сутками лежали страдающие доблестные воины (а другие категории населения?) — «Гибли нарты от голода, пали они духом, потеряли веру в свои силы. Прославленные нартские юноши, столь отважные раньше, до того обессилели, что с утра до вечера спящие валялись на нихасе» [7].

Подобная неопределенность делает непротиворечивым сопоставление поразившего нартов голода с любым из зафиксированных в истории или в эпосах бедствий. Вот и как-то раз в царстве Соломона тоже «возник мор и голод: умирали не только дети и женщины, истощены были даже воины». Однако в качестве наиболее вероятного исторического прецедента нартвовского голода обращаем внимание на событие середины I в. н.э., зафиксированное в различных исторических документах с некоторыми расхождениями в датировке — 45, 46, 47 гг. н.э.

О голоде во времена императора Клавдия, сообщают римские историки [Тацит, *Анналы*. 12.43]. Правление этого императора (41-54 г. по Р. Х.) «в пятый раз облеченного властью народного трибуна, в четвертый раз консула и в десятый раз главного военачальника, отца своего отечества», ознаменовалось частыми вспышками голода, одна из которых, по свидетельству Иосифа Флавия, нанесла сильный урон Иудее и Сирии и вызвала большие волнения в Иеруса-

лиме при прокураторе Куспии Фаде, в 45 г. по Р. Х. [8]

Еврейский историк Иосиф Флавий (ок.37 — ок. 100), автор сочинения «Иудейские древности», которое, по его утверждению, распадается на двадцать книг и состоит из шестидесяти тысяч строк, считается достоверным источником, надежность его свидетельства в отношении данных событий повышает то, что он был современником и очевидцем событий конца периода Второго Храма.

Считается, что этот голод даже досрочно был предсказан пророком Агавой, который в 44 году, находясь в Антиохии, «предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии» [9, 27-28].

В Англо-саксонской хронике в записи за 47 г. н.э. также сказано об этом голоде, названном великим голодом в Сирии: *A. D. 47...in this same year was the great famine in Syria which Luke speaks of in the book called «Actus Apostolorum»* [10].

Традиция начинать историю на 4 с половиной века раньше истории собственно англичан восходит к «Церковной истории англов» первого английского историка Беда Достопочтенного, который использовал данные архивов святой Римской церкви «для включения в нашу историю». Беда, используя и традиционно римскую, и новую (с некоторыми ошибками в расчетах), предложенную им самим систему летоисчисления от «воплощения Господа», и измеряя время годами правления императоров, пишет, что в «год от основания Рима 798-й император Клавдий, четвертый после Августа, желая показать себя благодетелем государства, задумал начать повсюду победоносные войны. Поэтому он отправился в поход на Британию ... он завершил войну на четвертом году своего царствования, что соответствует году сорок шестому от воплощения Господа. В тот год случился жестокий голод в Сирии (a most grievous famine in Syria), который, как сказано в Деяниях апостолов, был предсказан пророком Агавом [11, 39-41].

«По всей вселенной», «по всей земле»

«вся земля страдала от голода (об этом рассказывали и писатели, далекие от нашего учения) [12], страдала и Парфия вследствие жестокой засухи.

Наш интерес именно к этим событиям обусловлен обширностью территорий, охваченных бедствием, где на данном историческом этапе проживали, в том числе, и предки современных осетин, в эпических формах которых могла сохраниться историческая память о пережитом. «Для включения в нашу историю»

## 2. Центральная роль женщины, жены верховного правителя

Голод становился суровым испытанием на историческую прочность для многих известных и не очень известных деятелей. С последствиями голода мог справиться правитель (Соломон сам открыл свои закрома), его приближенный (Маздак в поэме «Шах-Наме»), предусмотрительный подданный (Иосиф на службе египетского царя), сам народ («Голодные, и молодой и старый, Тут ринулись, разграбили амбары» — «Шахнаме»), братья по вере (христиане Антиохии послали помощь своим братьям в Иерусалиме), союзники из дальних пределов (египетский Менептах послал помощь хеттскому царю), боги могли смилостивиться, приняв искупительную жертву.

В любом случае политический расчет, дипломатическую дальновидность, эмпатию или просто беспомощность могли проявлять мужи, государственные или боже-ственные.

В нартовском кадаге рассказывается не только о крайней степени физического истощения доблестных воинов, но и о боли, которую испытывает, глядя на то как «лежат отважные, стройные юноши», старший рода/народа Урузмаг: «я бы жизни своей не пожалел, только бы досыта накормить нартов, так, чтобы горячая кровь снова заструилась по их жилам и чтобы опять крепки стали их сердца». Риторика безысходности — знал предводитель, что некуда вести ему свои отважные дружины, нечем поживиться и на сопредельных территориях. «Помогает ему волшебное провидение (а как еще объяснить, что он не

знает о несметных запасах в своем хозяйстве и то, что хранившиеся в них продукты не испортились), проводником которого является Сатана, прославленная своим хлебосольством и мудростью» [13, 8]. «И повела Шатана Урузмага по своим кладовым. Одна кладовая полна пирогами, в другой от земли до потолка высятся груды вяленого мяса, в третьей хранятся напитки.

— Видишь, когда оказывали мне честь нарты и долю мою присылали с нартских больших пиров, я все сберегала — и вот пригодилось! — сказала Шатана» [7].

В андроцентрическом обществе в момент, когда мужчины фактически признают свое поражение, находит решение женщина. Сатана, жена старшего спасает всех от голода, самым очевидным эпическим способом, в соответствии с законами эпического жанра, создав народ на пир: «Щедрая хозяйка Шатана ухаживает за гостями, от яств столы гнутся, напитки рекой льются».

Обильность пира и сама по себе является поводом восхвалять хлебосольную хозяйку (Феранек в «Шах-Наме» славна тем, что устраивает грандиозное пиршество, но это в порыве материнского тщеславия, «Богатство ей ничто, когда царем стал сын»), а в данном контексте пир — это не светское мероприятие по поводу или без, он становится решающим фактором выживания всего социума. Поступок Сатаны возвышает ее и над многими эпическими героинями, и над правительницами прошлого.

Рассказ о подобном поведении Клеопатры в неурожайный для Египта год в беллетризованной биографии царицы (Клеопатра: История любви и царствования. Ю. Пушнова) не подтверждается письменными источниками. А в позднейшей истории прозвище Королева Голода, вовсе не почетное, английская королева Виктория получила за незначительность пожертвованной во время великого голода в Ирландии.

Интересно, что исторических прецедентов поведения Сатаны нет (?) за одним исключением. Данное обстоятельство не оставляет нам другого выбора для прототипа.

Голод, который в хрониках зафиксирован как бедствие в правление императора Клавдия, с большим основанием можно назвать по ключевой фигуре описываемых событий.

Она накормила народ в голод, была женой правителя, была сестрой своего мужа, спрятала сына от опасности, спрятала его во дворце приморских царей. Она принимала мудрые решения в политически трудные времена. Имя ее Елена/Эллен, царица Адиабены. Она славится и почитается, ее саркофаг находится в Лувре, и она неиудейка, чьим именем названа улица в Иерусалиме — הלני חמאלק/Хелени ХаМалка/*Helene Hamalka*.

*Земля парфянская, вера иудейская, действующие лица ираноязычные.*

Елена/Эллен была женой Монобазы I, царя Адиабены. Именно в правление сыновей Елены Монобазы II и его предшественника Изата, на которых она, обладавшая политическим весом в обществе, имела серьезное влияние, в середине I в. н.э. вассальная Парфия Адиабена достигла зенита политического влияния своей пятивековой истории (Изату было даже «даровано право носить прямую тиару и спать на золотой кровати») и стала играть заметную роль в сложном клубке римско-парфянских, армяно-римских и внутриварфянских взаимоотношений, активно участвуя в политических альянсах и военных противостояниях своего времени.

Это античное государство от верхнего течения реки Тигр на западе до озера Урмия на востоке в разные периоды входило в состав Парфии, Римской империи и Великой Армении. В соответствии с реалиями политической географии настоящего времени, Адиабена располагалась на северо-востоке современного Ирака, у границ с Ираном и Турцией, в очень пестром во всех отношениях регионе со стремительно менявшимся этническим и политическим ландшафтом, открытым для проникновения и взаимопроникновения религий и культур. Столица Адиабены город Эрбиль/Арбелла в настоящее время является столицей Иракского Курдистана. Этот старейший

из непрерывно населенных городов мира за 5 или более тысячелетий своего существования [14, 259-302], побывал под властью хурритов, Месопотамии, ассирийцев, вавилонян, курдов, персов, греков, арабов и сельджуков, османских турок, пережив медийскую империю, ахеменидскую, македонскую, селевкидов, парфян, римскую империю, сасанидов.

Для проникновения различных ираноязычных племен регион был открыт с первой половины I тыс. до н.э., а в районе Урмии скифы появились не позднее VII в. до н.э. «С конца VII в. до н.э. стало складываться этнокультурное единство на основе слияния иранских и автохтонных народов. В ряде областей ираноязычными были и правители, и рядовое население» [15, 3]. Можно говорить о неоднократной или непрерывающейся иранизации и последовательном/регулярном смешении с ираноязычными народами, различавшимися происхождением, языками, а также степенью воинственности, численностью и способностью к ассимиляции.

Как и во всей Передней Азии, в парфянской империи иранский след можно найти во всем, начиная с ее собственного названия *Парфия*, признаваемого развитием древнеперсидского топонима или с родословной ее царей.

Достаточно единодушное признание исследователями имен и правящей семьи Адиабены, «царей из местных династий», иранскими, таким образом, имеет под собой веские основания.

Первоначально доминировала точка зрения о восточно-иранском, точнее сакском/скифском, происхождении имен царей Адиабены [16, 189; 17, 23]. Впоследствии было сделано допущение об их западноиранском характере [18, 120].

Наиболее очевидна этимология имени Изат, отец которого Монобаз II был во сне предупрежден высшими силами о высоком предназначении своего будущего сына, «так как это дитя зачалось по особенному желанию Господа Бога и будет всю свою жизнь счастливо. Голос поразил царя, который тотчас же проснулся и сообщил обо

всем жене. Когда у них родился сын, царь назвал его Изатом». Герменевтический подход к данному нарративному фрагменту позволяет полагать, что *Изат* — это говорящее имя и что автору оно знакомо. Иосиф Флавий, хоть он и потомок Сима, сына Ноя и принадлежит религии, которая, по выражению Вольтера, «мать христианства, бабушка магометанства», вероятно, знал значение данного термина иранской зороастрийской мифологии.

Язаты в Авесте, «кому подобает поклонение», класс божеств помощников Ахурамазды. В расширительном значении «божество», «небожитель». Термин «Язаты» до зороастрийского происхождения: ср. осет. *izæd* [19, 648].

«Давно, когда еще боги водились с людьми» осетинское *zæd | izæd* означало «божество», в настоящее время *zædtæ | izædtæ* применяется в значении «небожители», «небесные силы», «христианские святые», «ангелы». Все когнаты данного слова, существующие в иранских языках, восходят к протоиранскому \**yazatah* от *yaz-* «приносить жертву», так, осетинская лексема является самостоятельным развитием данного общеиранского корня, представленного в сарматских (скифских) именах начала нашей эры [20, 4: 291]. Впоследствии корень мог быть разнесен с зороастризмом во все, в том числе и неиндоевропейские, языки.

Переход в иудаизм не сопровождался изменением имени, по крайней мере, Иосиф Флавий об этом не упоминает, и первые лица Адиабены остаются в истории под своими иранскими именами.

«В этнокультурном плане население Адиабены представляло, видимо, смесь арамейских и иранских элементов с заметными вкраплениями иных общин, в т. ч. еврейской диаспоры» Адиабена была полиэтничным социумом, а языком общения в стране был сирийский, и «толерантные парфяне, официальной религией которых был зороастризм, не запрещали и культы древних языческих богов Месопотамии» [21. 300-301], страны с «редкостно умеренным религиозным климатом», по выражению Л. Оппенгейма.

В рамках «традиционных идентичностей» границы распространения многих языческих культов более или менее совпадали с границами приверженных им культурно-языковых общностей, то есть «народов», городов или племен [22, 279], таким образом, цари Адиабены могли быть либо ашуристами, либо язычниками, либо, исходя из характера брака царствующей семьи и происхождения имени Изат, зороастрийцами.

Современник и ровесник Елены Адиабенской и периода активного прозелитизма Луций Анней Сенека (4 г. до н.э. — 65 г. н.э.), который первым из римских авторов упоминает об аланах, наблюдая за экспансией иудаизма в контексте экспансии Римской империи, писал, что «побежденные навязали свои законы победителям» [23, 431].

В обстановке веротерпимости и в период активного иудейского миссионерства во всех концах Римской империи и Парфии (в Адиабене, при дворе царя в Харакене) факт перехода в иную конфессию правителями Адиабены выглядел достаточно естественно.

Распространение иудаизма на рубеже новой эры очень сложный и специальный вопрос, хорошо освещенный в научной литературе, в рамках данной работы ограничимся следующими наблюдениями. Прозелитизм царей Адиабены — несомненный триумф иудаистских миссионеров, наиболее заметная, резонансная историческая иллюстрация общих процессов динамики культурно-религиозной морфологии античного мира.

В том случае, когда речь идет о правителях всегда остается повод рассматривать их действия в свете политической целесообразности и стратегии. Считается, что Изат, вместе со своей матерью перешел в иудаизм по политическим причинам. Дж. Нойснер видит за их обращением в веру влиятельного, но меньшинства, желание объединить Адиабену с Палестиной и Вавилонией, где иудейское присутствие значительно, в империю и править ею [24, 65].

О политических амбициях правителей

Адиабены, а также об их богатстве и влиянии свидетельствуют и впечатляющий дворец, построенный в Иерусалиме, и монументальный фамильный некрополь, возведенный на северной окраине города.

Главная задача, порождаемая глубоким отвращением к идолопоклонству, состояла в вытравлении самой памяти о «постыдном прошлом» прозелита и превращении его в «новорожденного младенца», прежняя идентичность почти всегда затушевывалась [22, 316]. Характерно, что Иосиф в своих «Иудейских древностях», «своего рода миссионерского введения в иудаизм для неевреев» [25], опускает «несущественные», возможно, в силу их самоочевидности, подробности из жизни своих героев — из какой религии были новообращенные, к какой династии они принадлежали, что было в быту, из какого они народа под небом. Пожертвования царицы храму удастаиваются более подробного описания, чем она сама.

Богатые подношения следует рассматривать как проявление благочестия новообращенной, но, несомненно, что их высокая ценность и ностальгическое отношение к периоду до разрушения Второго Храма, и в особенности ее помощь голодающим, обеспечили Адиабенской правительнице большую популярность в Иудее: «Этим благодеянием она навсегда оставила среди нашего народа добрую о себе память» [7].

Во время великого голода она оказалась в Иудее, и «приезд царицы был весьма полезен и кстати для жителей, потому что в это время город страдал от голода и многие жители умирали от недостатка в съестных припасах. Тогда царица Елена послала нескольких лиц своей свиты с крупными суммами в Александрию для закупки хлеба, а других приближенных на Кипр за сушеными финиками. Поручения ее были быстро исполнены, и когда посланные вернулись, она стала раздавать пищу нуждавшимся» [8, 20: 2, 5].

Голодающим Иудеи Елена распоряжается привезти провиант, но вполне возможно, что для соплеменников в Адиабене устраивается пир. В любом случае, ее сыну

Монобазу II, когда его обвинили в излишнем расточительстве в период голода и на родине, и в Иудее (нецелевое расходование адиабенской казны в Иудее?), приписываются слова: «Мои предки копили в этом мире, я же скопил в мире грядущем» [26, 81].

Монобаз сказал пророческие слова, его предки скопили достаточно, чтобы спасти многих людей, а добрая память пережила даже не века, а тысячелетия, осталась «навсегда», прав был и Иосиф Флавий.

В поле зрения иудейских писателей, сохранивших эту славу, Адиабена попадает именно вследствие принятия Еленой и ее сыновьями иудаизма.

В самой Адиабене, Нор Ширакан, где градус толерантности и веротерпимости был ниже общепарфянской, отношение к такому шагу было неоднозначным. Предвидя возможные политические последствия, мудрая царица отговаривала сына от радикальных действий, «как бы при распространении известия о поступке царя Изат не подвергся опасности потерять царство, так как подданные не захотят повиноваться человеку, который предался чужим обычаям». И хотя «Господь Бог оградил их от осуществления их боязни», обращение Изата вылилось в открытое противостояние ему, успешному правителю, частью политической элиты: «Поэтому они написали Авии, царю арабскому, письмо, в котором обещали ему крупную сумму денег, если он согласится начать поход против их царя. При этом они заявили ему, что в первом же сражении покинут Изата, ибо желают наказать его за его вероотступничество». Потерпев неудачу «в своем первом предприятии, так как Предвечный выдал их царю с головою, влиятельные адиабенцы, однако, не успокоились на этом, но написали новое письмо, теперь уже к парфянскому царю Вологезу, с предложением умертвить Изата и дать им какого-нибудь другого правителя, хотя бы парфянина; они ссылались при этом на свою ненависть к Изату, который изменил их древней вере и ревностно предан чужим обычаям» [8]. Религиозная конфронтация становится выше этнической

общности, и уже для адиабенцев «хотя бы парфянин» предпочтительнее соплеменника-вероотступника.

Возможно, и спорадически возникающий антагонизм, даже жестокость в нартовских сказаниях в отношении правителей и к самой Сатане коренится в этой враждебности подданных к своим новообращенным правителям.

В самом рождении нартовской героини есть признаки конфликта межэтнического и/или межконфессионального, природа которого несколько иная. Представляется, что это могла быть неприязнь к чуждому семье ее зороастрийской матери, а следовательно, и семье ее мужа, отцу-язычнику.

В нартовском эпосе Сатана становится отпавительницей языческих культов, так как сказители помещают Сатану в лоно языческих практик, привычных для их собственного социума, хотя ее возможный исторический прототип является иудейкой по сознательному выбору, а по факту этнической/родоплеменной принадлежности — язычницей или зороастрийкой. В зороастризме и корни ее инцестуального брака.

### 3. Жена брата и сестра мужа

Все нартовские герои с боями и через подвиги добывают себе иноземных жен. Искатели личной славы, они становятся еще и обладателями личного счастья. И только «лучший из мужчин» Урузмаг, которого «лучшая из женщин» Сатана предназначила для себя, довольствуется пассивной ролью избранника своей сестры.

Об этом браке написано достаточно много и противоречиво. В.Ф. Миллер отмечал, что у осетин центральная чета нартов — Урузмаг и Сатана — повинна в кровосмешении, и видит в этом явную черту иранства в Осетии: «Разве Иран не «специализировался» на кровосмешении, разве почти не узаконил его у себя, тогда как в реальном быте осетин кровосмешение не встречается?», «Черкесы, татары, чеченцы и другие народы не знают сей скандальной подробности» [3, 79].

Позволим себе остановиться лишь на том, что не следует оправдывать данное обстоятельство многочисленными примера-

ми знаменитых супружеских пар, инцеста между смертными и особенно бессмертными. Кровосмешение было исторической реальностью, нашедшей отражение практически во всех ранних эпических памятниках. «Мифологические традиции всех времен и народов повествуют о чудовищных порождениях, беспощадных битвах, образованиях, возникающих из первозданного беспорядка. Родственные связи ясно определены, союзы между родственниками запрещены, и только боги могут соединяться со своими сестрами. А порой и смертные, если на то есть дозволение богов» [27, 141].

Вот и у Иосифа Флавия нет осуждающих интонаций в его хронике, и зачин рассказа вполне традиционный: «Царь Адиабены, Монобаз, известный также под именем Базея, влюбился в свою сестру Елену и стал жить с ней». Автору нет нужды оправдывать своих героев, во-первых, они цари, во-вторых, не иудеи, и, в-третьих, возможно, они сводные брат и сестра по матери, что не возбраняется Торой. Интересно, что факт их родства интерпретируется исследователями по-разному: как указание на их греческое происхождение, на их персидское, либо, что значимо для нашего исследования, даже сакско-скифское происхождение, и рассматривается также в связи с зороастризмом, наиболее распространенной религией Парфии.

Данный цикл Нартовского эпоса об Урузмаге и Сатане может быть старше процесса табуирования инцестуальных браков, (так, римское общество законодательно ввело запрет на них лишь к концу III в. н.э.). С эволюцией общества список неразрешенных для брака родственных сочетаний расширялся и уточнялся, нарушение таких запретов стало считаться тяжким грехом, а в некоторых культурах каралось смертной казнью.

Сохранение преданий о такой форме брака в Нартиаде свидетельствует о возрастании нартовских сказаний и о хроникальности эпоса осетин, как надежного источника об истории и мировоззрении их предков. Сбережение осуждаемого моралью и запрещаемого обществом мотива сопро-

вождалось привнесением оправдательной идеологической базы. Интересно, что инициатива и ответственность за их брак возлагалась на юную Сатану, силой недюжинных хитрости и коварства навязавшейся в мужья своему зрелому брату.

Как и у четы нартов, Монобаз намного старше своей сестры-жены. Елена пережила его на четверть века. И прославилась она действиями уже после его смерти, в правление своих сыновей (вышла из тени мужа?). Возможно, поэтому Мовсес Хоренаци несколько искажает родословную правителей Адиабены, и у него Елена в поколении следующем — нисходящем от Изата.

В обоих случаях немолодой сводный брат берет свою молодую сводную сестру не первой женой. Неизвестно, было ли это в условиях ограниченной или неограниченной полигинии, но Елене удается дезавуировать влияние своих соперниц, проведя на трон последовательно обоих своих сыновей.

В нартовских сказаниях отголосками полигамного брака можно считать то, что, состарившись, Сатана приводит новую жену в дом, да и сама она женой Урузмага становится еще жизни своей нерадивой предшественницы. Рассказ о безжалостном физическом устранении бедной Эльды/Элон может являться не дискредитацией центральной героини, а более поздней редакцией исторического факта, в связи с чем, полигамия в эпическом предании могла превратиться во множественную моногамию.

Нам представляется, что характер брака Сатаны с ее супругом следует считать эпической фиксацией реально существовавшей инцестуальной монархической семьи — царя Монобазы и царицы Эллен.

#### 4. Отсылка сына. Аталычество?

Текстологический анализ обоих источников позволяет выявить следующую зону многоаспектного сопоставления — сыновья воспитываются не с родителями.

В нартовском сказании сын Урузмага и Сатаны оказывается у Донбеттыров, морских родственников по их общей материнской линии. В кадаге это не совсем убедительно

обуславливается желанием Сатаны спрятать мальчика от опасности, исходящей от отца. Данное обстоятельство становится чрезвычайно важным в сюжетной канве кадага: Урузмаг, даже не подозревавший о существовании сына и волшебным образом оказавшийся в подводном царстве, оправдывает ее дурные предчувствия, и встреча с неузнанным сыном заканчивается трагически. На наш взгляд, данный сюжет является реликтом и более поздней редакцией исходного рассказа о жертвоприношении сына [13].

«Хранился у меня в родительском доме Донбеттыра тайный клад, — в походе был в то время хозяин наш, когда родился сын у меня. Отдала я сына нашего на воспитание в свой родительский дом. Но и там отыскал его Урузмаг, и, жизни еще не видавшего, послал он нашего сына в Страну мертвых» [7].

Мотив опасности, исходящей от отца, есть и у Иосифа Флавия, повествующего, что Монобаз «случайно во сне прикоснулся рукой к ее (Елены) животу. Тут ему показалось, будто он слышит голос, требующий, чтобы он отнял руку и не повредил бы младенца в утробе жены своей, так как это дитя зачалось по особенному желанию Господа Бога и будет всю свою жизнь счастливо. Голос поразил царя, который тотчас же проснулся и сообщил обо всем жене».

Впоследствии Изат, богоизбранный фактом чудесного рождения и потому любимый сын Монобазы I и Елены, был отослан родителями в Спасину Харакс.

Можно это рассматривать как пример вынужденного удаления от двора, продиктованного серьезными политическими соображениями — в Адиабене было более одного престолонаследника: «У Монобазы был еще другой, старший сын от Елены, равно как были другие сыновья от других жен. Однако всю свою любовь он, очевидно, сосредоточил на Изате, как будто бы он был единственным его сыном. В результате получилось то, что другие братья стали завидовать Изату. Вскоре это чувство зависти перешло в ненависть, так как все были

огорчены явным предпочтением, которое Изату оказывал отец его» [8].

Описание прибытия и пребывания Изата в Спасину Хараксе больше напоминает «стадиальный институт универсально-исторического характера», известный под тюркским термином «аталычество». Аталычество состоит в том, что новорожденный не остается в доме родителей, а отдается на попечение в чужое семейство. Вскармливание ребенка и воспитание его ... падает на обязанности семьи аталыка, которая нередко озабочивается также присканием ему невесты. Обычай «зафиксирован у скифов, древних кельтов, германцев, славян, тюрков, монголов и некоторых других народов древности и раннего Средневековья» [28].

Монобаз отправил сына с большими подарками к царю Харакены, и поручил ему позаботиться о безопасности юноши. «Изат был отослан с многочисленными подарками Авеннериг любезно принял последнего, очень полюбил его и выдал за него замуж свою дочь Симахо, причем подарил ему область, из которой Изат мог извлекать значительные доходы».

Вскоре Изат вернулся на родину по просьбе дряхлеющего отца, который, в свою очередь, одарил его областью, Каррой, на которой находился остов Ноева ковчега.

После смерти отца Изат продолжительное время — 24 года — правил Адиабеной. Однако Елене также как и Сатане пришлось пережить сына, сама она умерла уже в правление своего старшего сына, Монобаз II: «Когда Елена узнала о смерти сына, то очень опечалилась, как и подобало матери, лишившейся столь благочестивого сына».

Если рассматривать данные два сюжета, интерпретируя их одно из другого, можно с высокой долей гипотетичности к следующему интегрированному сюжету — в голод, действительно, могло иметь место жертвоприношение, зашифрованное в нартовском кадаге в виде непреднамеренного трагического убийства. «Ведь Урузмаг готов отдать жизнь, чтобы помочь нартам» — «*бирæ цæргæнбон мын куы нæ уайд!*», или «*бирæ цардмæ бæргæ нæ бæллын!*» Идея об-

мена жизни одного на спасение народа», по нашему мнению, — это не риторическая фигура, а буквальное предложение, договор с богами отдать им лучшее [13, 10].

Это могло отражать практику, умиловив богов, решать сложные ситуации в Адиабене. В этой связи хотелось бы обратить внимание на значение производящей базы имени Изат: *yaz* — «приносить жертву», отсюда *yasna* — «почитание, жертвоприношение, молитва», санскритское *yajati* — «он приносит жертвоприношение». Язат — это «достойный почитания», «достойный жертвоприношения». Или достойное жертвоприношение?

Жестокий голод в четвертый год правления Клавдия пришелся на одиннадцатый год правления Изата. Является ли это совпадением, нумерологическим кодом его судьбы или просто для красивого словца сказано, что у Изата, бывшего царем 24 года, было 24 сына и 24 дочери. Одного из сыновей, а, согласно проекции из эпического в историческое, сына именно Симахо, внука иноземного царя, могла постичь печальная, но почетная участь, подобно сыну Сатаны в кадаге.

Либо история с мальчиком в нартовском кадаге — это контаминация разных сюжетов, вероятность которой при мифологизации чрезвычайно высока.

##### 5. Морские божества или приморские/заморские цари?

Между семьями родителей и аталыка принципиально важным было их социальное равенство. Символично, что сына царствующей Адиабенской четы посылают в Харакену ко двору царя Абенерига. Адиабена и Харакена являлись вассальными, т.е. политически равновесными, государствами слабоцентрализованной Парфянской империи. Даже их образование относится практически к одному времени: Адиабена лишь на столетие старше, и оба просуществовали до противостояния с империей Сасанидов до второй четверти III в. н.э.

В нартовском сказании также обе семьи державные и кроме того связаны между собой отношениями кровного родства. Урузмаг и Сатана являются прямыми по-

томками дочери Донбеттыра, и их сын был спрятан на дне моря во дворце морского божества, приходившегося ему дедом и по материнской, и по отцовской линии.

«Долголетние» цари Харакены тоже имели родственные связи с адиабенитами. Правители обоих государств были представителями местных династий, их политические связи скреплялись и династическими браками, именно об этом читаем у Иосифа Флавия. Абенериг отдает свою дочь Симахо в жены Изату. В нартовских сказаниях Донбеттыр породнился с нартом Ахсартагом, отцом Урузмага.

Для сравнения царства Донбеттыра с Харакеной есть некоторые другие основания. На наш взгляд, интерес представляет топографическая справка о государстве Абенерига. Если Адиабена находилась в верхнем течении Тигра, то Харакена, одно из первых арабских государств, в низовьях Тигра и Евфрата, в самом центре Плодородного Полумесяца. В терминах современной политической географии, Харакена располагалась на территории Кувейта и Южного Ирака.

Спасину Харакс, куда отправили Изата, столица Харакены и крупный центр торговли, прежняя Александрия в честь своего основателя Александра Македонского, дважды последовательно переименовывалась в честь восстановителей после разрушительных наводнений, Антиоха и Спасина. Считалось, что Персидский залив в древности вдавался в береговую линию гораздо севернее, чем сейчас. Однако геологи выяснили, что на деле границы самого залива с древности и по сей день практически не менялись, и только устье рек Тигра и Евфрата было весьма широким и проходило так, что до речных пристаней в Уре и Эреду могли легко подниматься корабли из Персидского залива [29]. Расположенная в головной части Персидского залива, фактически являющегося внутренним морем Индийского океана, в Нижнем Двуречье, в Месопотамской низменности, постоянно подтапливаемая наводнениями, окруженная дамбой, столица Харакены, по словам Плиния Старшего: единственное место в

мире, где земля, которую несут реки, так быстро поглощается морем». Можно предположить, что более подходящим местом для морского царства мог бы являться только остров, но нарты (и вообще иранцы) — не морской народ, и кроме того известно, что они добираются до подводного царства по суше, приходят на берег. На берег великого Тигра? Или на берег Персидского залива? Или все-таки остров — например, известный своими руинами остров Харку в Персидском заливе? «Несомненно, в эпоху создания эпоса осетины-аланы жили по соседству с морем или большими реками, так как в небольших и быстрых горных реках современной Осетии решительно нельзя найти места для Донбетров с их обширным царством и роскошными дворцами. Об этом же говорит постоянное упоминание в сказаниях моря (денджыз, фурд)» [2].

Помимо подходящей для нартовского Донбеттыра географии или гидрографии Спасину Харакс обладал богатствами и неограниченными материальными возможностями для строительства роскошных дворцов и обширного царства. Здесь была сосредоточена торговля с Южной Аравией и Индией, для чего, вероятно, город задумывался Александром Македонским, сюда собирались купцы со всех концов Передней Азии, весь парфянский период столица Харакены оставалась не только крупнейшим торговым, но и культурным, и интеллектуальным центром эллинистического Востока. И приданое за своей дочерью Абенериг дает достойное, ведь Флавий упоминает об области, из которой можно «извлекать значительные доходы».

#### **6. Два имени одной женщины**

Помимо событийно-биографических параллелей надежным средством установления связи между персонажами являются данные этимологического анализа антропонимов. «Ни одно название не попадает в эпическую номенклатуру случайно; каждое из них может представлять собой отражение какого-то факта историко-культурного значения» [30, 107].

Идея сопоставления Сатаны с царевной Сатиник восходит к Д. Я. Лаврову и основа-

на на очевидном сходстве имен и алано-осетинской преемственности. Некоторые совпадения преданий о *Сатиник* и истории *Сатаны* приводит Ж. Дюмезиль [3, 51-55].

Сопоставление имени *Елена/Эллен/Helen/Helena*, обычно трактуемого как эллинское, и имени нартовской *Сатаны/Шатаны* наталкивается на очевидное отсутствие сходства имен и установленной преемственности, противоречия, преодолеть которые можно, учитывая следующие два обстоятельства.

1. Имя Елена, как называет царицу Флавий, могло быть производным от этнонима и указывать на ее происхождение. Этноним *алан* легко и естественно антропонимизируется, что наглядно иллюстрирует представленность его многочисленных производных в ономастике многих народов Европы. Елена/Эллен могла быть этнической аланкой, ее отцом мог быть один из «аланов на своем сарматском коне», по выражению М. Валерия Марциала [31, 45].

Аланы в первой половине I в. в Парфии — это уже реальность, но еще не угроза. Живший в одно время с Еленой Сенека упоминает «свирепых» аланов [31, 44], у его племянника М. Аннея Лукана в одном контексте с парфянами про «суровых и вечно воинственных аланов» — второе упоминание аланов в ряду со скифами и маврами, которых не боялся Юлий Цезарь. Даже если это бесстрашие ошибочно приписывается Цезарю, то это вставка не позднее середины I в. [31, 44]. Плиний Старший, другой ровесник Елены, среди четырех основных народов, населявших Адиабену, называет племя аланов. В 72 г. аланы нападают на Мидию и Армению, соседние с Адиабеной. Во второй половине века от их набегов уже царь парфян Вологез I из династии Аршакидов искал защиты у римлян, тот самый царь Парфии, к которому обращались возмутители адиабенского политического спокойствия, недовольные Изатом [31, 55].

Аланское происхождение царицы не противоречит и тому, что имена Монобаза/Базея и Изата рассматриваются как иранские, сакско/скифские, в свете последнего не совсем логичен вывод о греческом

происхождении имени царицы [32], находившейся в кровнородственных отношениях со всеми мужчинами своей семьи. Перефразируя слова О. Мэнхен-Хелфена о том, что имена гуннских царей и военачальников известны в германских одеждах для соответствия готским этимологиям, *Елена* может быть греческой одеждой иранского названия. В этой одежде побывал и сам этноним, народ, в I в. н.э., называемый латинскими авторами *Alāni*, а греческими *Alanoi*, у более поздних авторов встречается в форме *Halāni* [31, 27].

Тот факт, что имя правительницы интерпретируется как эллинское, обусловлено, на наш взгляд, фонетической близостью этнического названия *алан* и данного имени собственного *Елена*. С минимальными трансформациями этноним мог совпасть с хорошо известным греческим именем широко известной греческой героини.

Следует отметить, что в вариантах нартовских сказаний имя *Эльды*, первой жены Урузмага, иногда передается как *Элон*, [3, 242] представляется, что так могли называть царицу за пределами родной для нее языковой общности.

Факт неназывания имени женщины вполне укладывается в отмеченную во многих культурах гендерную асимметрию в отношении упоминания женских личных имен. И в эпосе, и в истории они могли определяться топонимом (Царица Савская), титулом (она же), этнонимом (Быцнаг в нартовских преданиях), либо по родственнику мужского пола — отцу, мужу, брату, сыну, свекру как в русских летописях (даже жена князя новгород-северского, плачущая в Путивле, вошла в историю под отчеством, которое в XX-XXI вв стало редким именем — Ярославна, в свою очередь, из ее пятерых детей неизвестно только имя ее единственной дочери, жены князя Стародубского), в «Беовульфе».

Этническая идентичность женщины могла быть актуальна в полиэтничном социуме, как и этничность жены в полигамной семье — среди жен своего мужа ее могло отличать не только кровное родство, но и аланское (по отцу?) происхож-

дение. Достаточно умозрительная теория, для подтверждения которой, как и для опровержения, чрезвычайно мало эмпирического материала, «из-за систематического уничтожения парфянских документов в сасанидскую эпоху» [33, 316]. Сходным образом, вдова «царя Авагии Георгия» и мать некоего Димитрия, по сообщению Иоанна Скилицы, осталась в истории под именем *Αλδη*, про нее дополнительно известно, что она была аланской принцессой [31, 35].

2. В свете сказанного в пункте 1 обращаем внимание на следующее. Когда мы начинали данное исследование, вопрос, на который оно призвано было ответить, формулировался следующим образом: можно ли отождествлять Елену Адиабенскую с Сатаной, считать ее одним из прототипов нартовской героини? Интересно, что подобный вопрос в несколько другой редакции существует уже около 150 лет: Следует ли идентифицировать Царицу Садан как Царицу Елену Адиабенскую? (Is Queen Tsadan to Be Identified with Queen Helena of Adiabene?) [34]

И если мы подошли к этому вопросу, разгадывая памятники устного и письменного творчества, то в середине XIX в. эту загадку загадали археологические находки.

В 1863 г. французский археолог Л.-Ф. де Соси (Louis Félicien Caignart de Saulcy) осуществил осмотр «Гробницы царей», именно так называется усыпальница Елены Адиабенской, которая, по мнению греческого историка II века н.э. Павсания, уступает по грандиозности и роскоши только гробнице легендарного царя Мавзола. Именно туда Монобаз II, согласно предсмертной воле матери, перевез останки ее и своего младшего брата Изата: «Монобаз отправил останки ее и брата в Иерусалим, где распорядился похоронить их в тех трех пирамидах, которые на расстоянии трех стадий от города воздвигла Елена» [8].

Среди обнаруженных экспедицией саркофагов один отличался надписью на крышке. По уверению де Соси, в этом саркофаге были обнаружены останки женщины, облаченной в богатые, расшитые золо-

том одежды, «немедленно рассыпавшиеся в прах».

Почти так же немедленно начались споры о личности женщины, в результате которых большинство ученых пришли к мнению — погребальный обряд, нумизматические и прочие находки, несомненно, датируют памятник I в. н.э., его местонахождение и устройство соответствует описанию Иосифа Флавия, и, следовательно, саркофаг является захоронением Елены/Эллен Адиабенской, несмотря на надпись: *מלכתא שדן* — *šdn mlkt*. Транслитерацией арамейской надписи латиницей является «*SADANMAL'KATA*», что переводится как *Queen Sadan/Tseddan/Tsadan* — *Садан Царица* [35].

Разгадывая таинственную надпись, выдвигались различные теории. Либо это другая женщина из адиабенской династии. Либо это другое имя царицы, известной в истории под именем царицы Елены/Эллен, и что это было греческим или семитским именем для царицы-иноземки. Либо от слова, означающего провиант.

Наиболее близка к нашему ответу версия о том, что *Садан* — было персидским именем, а *Эллен* — греческим именем царицы Адиабены [36, 37]. В нашей редакции ответ имеет следующий вид — *Елена/Эллен* — это антропонимизированная форма этнонима *алан*, указывающая на происхождение царицы Адиабены, тогда как *Садан/Сатана* — ее имя собственное, под которым она была известна собственному народу и своей семье. Именно поэтому под этим именем она была похоронена своим сыном, и под своим именем осталась в памяти своего народа и была увековечена в нартовских преданиях.

#### Заключение

Истоки популярности эпической Сатаны в благих делах ее исторического прототипа, либо, что более вероятно, ее прототипов.

Особенно важно исследование именно *Сатаны/Шатаны* осетинской Нартиады, т.к., по мнению Ж. Дюмезиля, ни у адыгов с абхазами, ни у тюрков и вайнахов образ Сатаны не занимает столь важного ме-

ста, как у осетинской героини [3]. На наш взгляд, это может быть обусловлено тем, что именно благодаря этноцентризму ираноязычной среды, этноцентризму, тем более поразительному, что сочетался с космополитизмом и беспрецедентной номадной мобильностью, ввиду общности культурного наследия, определяемого языком и национальностью, преумножалась и крепла народная слава о прекрасной и достойной соотечественнице.

Подобный подход позволяет привлечь внимание к проблемам хронологической и, в особенности, географической локализации предков современных осетин, включить в обсуждение религиозных противостояний зороастризма, язычества, раннего христианства и иудейский монотеизм.

Нартовский кадаг о Сатане является сохранением и развитием в алано-осетинской эпической традиции истории о царице Адиабенской, о чем свидетельствуют

совпадения сюжетных мотивов, сопоставление имен и данные археологических исследований.

Когда саркофаг Садан-Елены на несколько месяцев был предоставлен Лувром Израильскому музею, директор музея Дж. Снайдер сказал проникновенные слова: «Если это действительно саркофаг Елены Адиабенской, то потрясает сама мысль, что мы можем смотреть на усыпальницу, где в I в. н.э. была похоронена царица, женщина, столько сделавшая для народа Иерусалима. Это открывает дверь в уголок истории, который невозможно было бы заглянуть другим образом» [38].

Если Елена Адиабенская действительно была одним из исторических прототипов нартовской Сатаны/Шатаны, это и для нас открывает дверь в уголок истории, которую почти две тысячи лет хранили наши предки в эпических преданиях. «Для включения в **нашу** историю».

1. Гурьев Т. А. Наследие скифов и алан. Владикавказ, 1991.
2. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. Циклы, сюжеты герои. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978.
3. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
4. Героический эпос народов СССР. Введение. М., 1975. Т. I.
5. Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1969.
6. Пропи В. Я. Русский героический эпос. М., 1958.
7. Сказания о нартах. Осетинский эпос/Пер. с осетинского Ю. Либединского. М., 1978.
8. Иосиф Флавий. Иудейские древности: в 2-х т./Пер. с греческого Г. Генкеля. М., 1996.
9. Новый Завет. Деяния апостолов. Анахайм. 1998.
10. The Saxon Chronicle. London, 1982.
11. Saint Bede (the Venerable), John Allen Giles // The Complete Works of Venerable Bede: Ecclesiastical history. London, 1843.
12. Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.
13. Гутиева Э. Т. Древний сакральный мотив в тексте кадага «Безыманный сын Урузмага» // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. Т. 14. № 1. С. 8-12.
14. Nováček K. Research of the Arbil Citadel, Iraq, First Season // Památky archeologické. 2008. Vol. XCIX.
15. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. // 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 2007.
16. Herzfeld E. Zoroaster and his world. Princeton university press, University of Michigan. 1947. Vol. 1.
17. Herzfeld E., Walser G. The Persian Empire // Studies in geography and ethnography of the ancient Near East. University of Michigan. 1968. P. 23.

18. *Humbach H.* Prods Oktor Skjærvo. The Sassanian Inscription of Paikuli. Wiesbaden, 1983. Pt. 3, 1.
19. Мифологический словарь/Под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1991.
20. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1989. Т. 4.
21. *Колесников А. И., Панченко К. А.* Адиабена // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 1.
22. *Занд Ш.* Кто и как изобрел еврейский народ, 2008. [сайт] URL: <http://knigi.net/avtor-shlomo-zand/11228-kto-i-kak-izobrel-evreyskiy-narod-shlomo-zand>
23. *Stern M.* Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. In 3 vols. Jerusalem, 1976-1984.
24. *Neusner J.* Conversion of Adiabene to Judaism // Journal of Biblical Literature. 1964. Vol. 83, No 1 (Mar.). P. 60-66.
25. *Туваль М.* «Иудейский прозелитизм» в греко-римскую эпоху. [Электронный ресурс] URL: <http://lechaim-journal.livejournal.com/54416.html>
26. *Штейнзальц А.* Жить со смыслом: Как обрести помогая и получать отдавая [Электронный ресурс]. URL: <http://mreadz.com/read28129/p49>
27. *Пара Э.* Инцест // Психология любви и сексуальности. М., 2006. с. 140-159.
28. Семейные обычаи и обряды. URL: [http://studme.org/1350082628481/pedagogika/se-meunye\\_obychai\\_obryady](http://studme.org/1350082628481/pedagogika/se-meunye_obychai_obryady)
29. Техническая и гуманитарная литература. [сайт] URL: [http://www.telenir.net/istorija/istorija\\_drevnego\\_vostoka/p5.php](http://www.telenir.net/istorija/istorija_drevnego_vostoka/p5.php)
30. *Гуриев Т. А.* Историческая основа некоторых антропонимов в осетинском нартовском эпосе. Фольклор и историческая этнография. М., 1983.
31. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
32. *Gottheil R. Seligsohn M.* Adiabene. Jewish Encyclopedia [Web-site]. URL: <http://www.jewishencyclopedia.com/articles/7525-helena>
33. *Бен Ами Д., Чехановец Я.* «Праведные прозелиты»: Цари Адиабены в Иудее. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2008. Вып. 7. С. 311-320.
34. *Notley, R. S., García J. P.* Is Queen Tsadan to Be Identified with Queen Helena of Adiabene? [электронный ресурс] URL: [http://www.academia.edu/9228258/BAR\\_June\\_2014\\_Queen\\_Adiabenes\\_Jerusalem\\_](http://www.academia.edu/9228258/BAR_June_2014_Queen_Adiabenes_Jerusalem_)
35. *Yardeni A., Price J., Misgav H.* 123. Sarcophagus of Queen Şadan from the 'Tomb of the Kings' with Aramaic inscription, 1 с. CE // Hannah M. Cotton et al., eds. // Corpus Inscriptionum Iudaeae/Palaestinae, Berlin, De Gruyter, 2010. Vol. 1.1. P. 165-167.
36. *Schick C.* The (So-Called) Tombs of the Kings at Jerusalem Palestine Exploration Fund Quarterly Statement 29 (1897): 182-88.
37. *Tal Ilan.* Helene, Queen of Adiabene. [сайт] URL: <http://jwa.org/encyclopedia/article/helene-queen-of-adiaben>
38. A Royal Return. [сайт] URL: <http://www.haaretz.com/israel-news/a-royal-return-1.316609>